

КРАСНОЯРСКИЙ край — это все на свете. Самые большие расстояния, самые грандиозные стройки, самые глухие места, самые радикальные перемены, самые разнообразные условия природы, труда и быта, самые разнообразные человеческие характеры и проявления — от наиболее типичных и современных до наиболее уникальных и оторванных от движения времени.

...Это было в те дни, когда Москва готовилась к заключительным показам Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности. Районные, краевые, межобластные смотры уже прошли. Во многих местах они прошли хорошо. В Красноярском крае — плохо. Выяснилось, что показывать, в сущности, почти нечего.

ЦАСТНЫЙ вопрос о сельской самодеятельности при первом же подходе к нему обернулся общей проблемой культурной жизни села (и, может быть, не только в Красноярском крае), которая организуется в таких формах и на таких направлениях, что множество людей остается от нее в стороне, потому что никто не знает, не изучает и не принимает в расчет, как под влиянием времени *меняется реальная активность и реальная пассивность различных групп населения*. Реальная — это значит та, которая существует в действительности, а не предполагается по опыту прошлых лет.

В минусинской гостинице сосед по номеру, пожилой человек с тремя рядами орденских планок, так отозвался о моем сюжете: — Жизнь теперь легче стала... А вот в двадцатые годы, так примерно в двадцать пятом — тридцатом, у нас в деревне какой только самодеятельности не было. И пели хором, и постановки ставили... Сами все или учитель из школы приходил. А теперь, конечно, теперь что же...

Позвольте, что же «теперь»? Если жизнь стала легче — это же должно привести к расцвету всевозможных увлечений: тут-то как раз и запеть хором. К тому же теперь есть дома народного творчества и методисты при них, есть клубы и платные руководители, есть руководители бесплатные, энтузиасты на общественных началах.

У Маклаковского лесоконбината свой большой Дом культуры. Там несколько коллективов самодеятельности, несколько платных руководителей. Этим руководителям было предписано перейти на производство и зарабатывать там, а коллективами руководить на общественных началах. Производственных специальностей у этих людей нет, и когда я был в Маклакове, они уже укладывали чемоданы. Между тем, самодеятельность в этом Доме культуры работает «на кассу», у нее есть план — 15 тысяч в год. Художественный руководитель Олег Иванов, дипломник Ленинградского института культуры, протестует против такой коммерции: «Рабочие платят профвзносы, клуб у них профсоюзный, а мы обдираем каждого». Олегу сделали строгое внушение.

А сейчас вернемся к парадоксу моего сюжета.

Он подметил любопытный факт, мой собеседник в Минусинске. Развитие культуры и материального благосостояния губительно отражается на клубной самодеятельности в ее нынешних формах. Даже в тех местах, где только понаслышке знают о большом мире искусства, творчества, где раз в месяц смотрят узкоплеченные фильмы и т. п. — даже там возникает (не у всех, конечно, но у самых пытливых, темпераментных и молодых, то есть у самых нужных для самодеятельности) ощущение, что все эти спевки под аккомпанемент «слушача» — банальность, все эти одноактные пьески из репертуарных сборников, что все это «для глубинки», все это не приближает ни к чему происходящему в большом мире. А чтобы прикоснуться к настоящему — надо уйти туда, где все это уже есть.

ДЕРЕВНЯ Городище — это всего одна улица, 40 дворов, но это центральная усадьба довольно крепкого колхоза «Россия». В помещении сельсовета мы с группой районных руководителей в течение двух дней присутствовали на двух заседаниях. На первом шел неторопливый разговор (шесть часов без перерыва!) хозяйственных, компетентных в своем деле людей, знающих и что есть, и что будет, и что надо предпринять. И про овец, и про пшеницу, и про сено, и про то, какие машины купить, а какие не покупать — про все было решено что-нибудь дельное и обоснованное. А на другой день заслушивали отчет заведующего сельским клубом Бориса Лопаткина.

Тоска. Тоска от ощущения бесполезности всего происходящего. Во-первых, суть дела была всем известна заранее: парень пьет, развалил все, что было сделано Сашей Легаловым — энтузиастом-самородком, ныне призванным в армию; играет кое-как на

О С Т Р Ы Й М О М Е Н Т

баяне, но привлечь к себе никого не может, необразован и ко всему клубному делу совершенно равнодушен. Заранее было известно и другое: заменить его нечем. Выгнать его — но ведь кто-то должен открывать клуб, когда кино привозят. Ну, раз ничего поделать нельзя — пусть хоть форма останется: обсудим его, осудим, потребуем и занесем в протокол.

Среди «обсуждавших» были и участники вчерашнего правления. Им было нечего сказать. Вчера на заседании они тоже сталкивались с трудностями, но эти трудности были им понятны, они думали о них, искали выходы и находили. Здесь же было пустое дело.

...— Совет клуба при мне не собирался, — тоскливо канючить завклубом. — Я не мог их собрать, объявлял, они не пришли. Теперь кино. Кино было. Чаше, чем по плану, десять раз, потому что в Каменске печка была неисправна и к нам чаше возили. Теперь стенгазета. Стенгазета лежит уже месяц, заметок нет. Мне говорят — возьми сам напиши, а что я могу написать? Редактор-то я знаю кто, а редколлегия я даже не знаю кто...

Почуствував, что его не снимут, а только поругают, он даже переходит в наступление.

— Мне организации не помогают. Вот Кононов, он член партии. При Легалове ходил на самодеятельность, теперь не ходит. Сказали бы ему: вот тебе поручение, иди на самодеятельность...

Эту идею одобряют. Но одобряют тоже от тоски, потому что уже лень думать.

В огромном Енисейском районе, где расположен колхоз «Россия», главный человек по самодеятельности — Владимир Иванович Капин, директор районного Дома культуры. Енисейск — замечательный старинный город, а его Дом культуры — гордость края. Вокальный ансамбль получил здесь диплом первой степени, солистка Тамара Федорова поехала на заключительные концерты в Москву. Народный театр с пьесой «Именем революции» тоже поедет в Москву. В Красноярске директор Дома народного творчества Н. Е. Силаков не хотел со мной разговаривать, пока я не съезжу в Енисейск. Я съездил и думал потом рассказать ему о заседании в Городище, но к моему возвращению Силакова перебросили преподавателем в пишевой техникум, а новый директор обнаружил, что нет решительно никаких сведений о том, сколько вообще имеется коллективов самодеятельности, где они есть и где нет, и занят сейчас попытками составить общую картину положения. Но и он знает, что Енисейск — гордость. Так вот, В. И. Капин мечтает об одном: чтобы в клубах были заведующие пусть без специального образования, но хотя бы со средним. Он говорит самые точные слова:

— Наше дело — просвещение. Иногда — есть такие села — изба-читальня нужнее, чем клуб. И завклубом должен быть в культурном отношении выше своих односельчан. А он ниже. Завклубом, врач и учитель — они несут на село всю культуру. А где у нас клубные работники, которых можно было бы поставить рядом с учителем и врачом? Этот разговор тоже начинался с самодеятельности (на районный смотр со всего огромного района еле-еле набрали при нашей большой помощи, с нашим — шесть коллективов. А могли бы двадцать восемь!), но очень быстро перешел к общему положению с культурой. Иначе и не может быть.

ЧЕГО, собственно, хотят от завклубом в деревне Городище? Чтобы он «развесил наглядную агитацию» (так здесь выражаются), то есть написал на кусках выцветшего кумача те же лозунги, которые висят во всех остальных клубах, где заведующие не пьют. Чтобы он сумел уговорить нескольких односельчан собраться по вечерам в клуб и петь хором песни, известные им по радиопередачам в исполнении настоящих артистов. Чтобы под его руководством или под руководством более опытного человека выучил наизусть роли какой-нибудь сложной пьески и показал потом эту «постановку» на своей сцене или в соседних деревнях. Чтобы провел какое-нибудь мероприятие для культурного отдыха. (Олег Иванов, полностью освоивший всю эту науку, рассказывал про свою практику в Кежме — это такое село на Ангаре, районный центр: «Пытался сделать карнавал, но трудно. Придут, потанцуют, помянут на тех, кто в карнавальных костюмах, — и по домам. Какая-нибудь старуха оденется цыганкой...»). А главное, чтобы приготовил

выступление на районном смотре. Хорошо. Что это даст?

Ничего. Это лишь способы убить время, причем способы, придуманные давно и давно устаревшие. Никакого духовного и идейного стимула эта скучно придуманная «самодеятельность» не содержит.

Руководители и организаторы «самодеятельности» в один голос говорят о равнодушии молодежи, об инертности и о том, что «ничем ее не проймешь». А те, кто видит молодежь не только около клуба, говорят другое, прямо противоположное. Они говорят о необычайно возросшей активности сельской молодежи, жажде движения по жизни. Чему-нибудь выучиться. Зацепиться за какую-нибудь технику. Как-то себя проявить. Когда речь идет о том, чтобы поступить на курсы, приобрести техническую специальность, любой сельский парень готов ради этого на все. Ввязаться в рискованное приключение — и на это охотничья есть. Купить баян или, еще лучше, мотоцикл — нечего и говорить. Только вот в драмкружок никак не заманишь. С чего бы это?

Настало время изменить какие-то принципиальные представления о «культурбоге». Сельские жители, пусть еще далекие от высот современной культуры, тем не менее чувствуют унылость и несвоевременность тех форм проведения досуга, которые «по опыту прошлых лет» называются художественной самодеятельностью, но в которых нет ни искусства, ни самостоятельности, ни деятельности.

Тот человек, который нес бы в село культуру наравне с учителем и врачом, должен быть не организатором мероприятий, а вдохновителем... Вдохновителем чего? О, многого: самосознания, самовоспитания, самораскрытия. В Минусинском культпросветучилище, где готовят кадры для всего края, он должен прежде всего изучить психологию, а потом уже игру на баяне. Он сам должен быть личностью, магнитом. Представителем мира высоких, сложных, а не упрощенных культурных ценностей. Тогда к нему потянутся как к человеку. И если у него есть способности режиссера — вокруг него сформируется ядро драмкружка. Если он музыкант — будет хор или оркестр. Если он просто любитель хороших книг — в этом селе не будет драмкружка и хора, но интересные вечера в клубе все-таки будут. Главное — сделать сельский клуб местом, куда будут приходиться, чтобы найти себя, обнаружить то в себе, что смутно ощущается, но не находит выхода или проявляется в уродливых формах. А музыкально-театральная самодеятельность... Ее нельзя требовать и предусматривать заранее всюду, где есть клубное помещение и штатная единица. Потому что тогда она сразу же, с первых шагов даже самого инициативного руководителя превращается в «досуг для глубинки».

Осуществить это чрезвычайно трудно. Но такова реальная потребность наших дней — надо объявить профессию культурработника (как-то переименовав ее поприличнее) занятием для людей с высшим образованием, с хорошей зарплатой, так, чтобы многие хотели попасть на такую работу, но не все удастались бы этой чести.

СИБИРСКИЕ села, обычно расположенные далеко друг от друга, малонаселенные, часто затерянные в тайге, — это трудные места. Особенно трудно усидеть там в молодости. Раньше было легче, когда тамошние жители не знали ничего лучшего. Теперь они знают то же, что и все остальные граждане. Мало того — в их родных краях, где-то совсем рядом (по сибирским масштабам) гудят величайшие стройки, происходят необычайные события, съезжаются их сверстники со всей страны. Там все овевно слабой, все воспето массовыми песнями и рассказами знакомых парней. Там можно выдвинуться, найти себя, поставить свой личный рекорд.

Что можно этому противопоставить? Только одно: организацию в селах творческой жизни, сравнимой, пусть не по масштабам, но по интенсивности, с жизнью в любом другом месте.

Красноярский край. А. АСАРКАН.